

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.4>

Дампилова Людмила Санжибоевна, Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна,
Сундуева Екатерина Владимировна

УСТНЫЕ ТРАДИЦИИ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БУРЯТ КИТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В рамках проекта по гранту РФФИ-МОКНМ_а № 18-512-94003 "Сохранность и трансформация фольклорных и этнокультурных традиций бурят России, Монголии и Китая" проведены полевые исследования в автономном районе Внутренняя Монголия КНР для изучения фольклора, мифа, языка, духовной и материальной культуры бурят в иноэтнической среде. Собранный фольклорно-этнографический материал доказывает устойчивую тенденцию бережного сохранения и популяризации бурятами Китая богатейшего наследия устного творчества. В статье дана семантико-функциональная характеристика вербальным текстам, предприняты попытки установить наиболее устойчивые компоненты фольклорной традиции в разных социальных условиях. Для сравнительного анализа систематизируются этнографические и фольклорные данные, дополняющие друг друга и раскрывающие в достаточной степени современную бурятскую духовно-культурную ситуацию в конкретном исследованном регионе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/4.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(97). Ч. 1. С. 22-25. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94; 398; 398.1; 398.3; 398.5

Дата поступления рукописи: 05.09.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.4>

В рамках проекта по гранту РФФИ-МОКНМ_а № 18-512-94003 «Сохранность и трансформация фольклорных и этнокультурных традиций бурят России, Монголии и Китая» проведены полевые исследования в автономном районе Внутренняя Монголия КНР для изучения фольклора, мифа, языка, духовной и материальной культуры бурят в иноэтнической среде. Собранный фольклорно-этнографический материал доказывает устойчивую тенденцию бережного сохранения и популяризации бурятами Китая богатейшего наследия устного творчества. В статье дана семантико-функциональная характеристика вербальным текстам, предприняты попытки установить наиболее устойчивые компоненты фольклорной традиции в разных социальных условиях. Для сравнительного анализа систематизируются этнографические и фольклорные данные, дополняющие друг друга и раскрывающие в достаточной степени современную бурятскую духовно-культурную ситуацию в конкретном исследованном регионе.

Ключевые слова и фразы: буряты Китая; фольклор; этнография; традиции; духовная и материальная культура; русско-бурятские связи.

Дампилова Людмила Санжибоевна, д. филол. н., доцент
Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна, к. филол. н., доцент
Сундueva Екатерина Владимировна, д. филол. н., доцент
*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ
dampilova_luda@rambler.ru; bch58@yandex.ru; sundueva@mail.ru*

УСТНЫЕ ТРАДИЦИИ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БУРЯТ КИТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Работа выполнена при поддержке РФФИ-МОКНМ_а в рамках научно-исследовательского проекта № 18-512-94003 «Сохранность и трансформация фольклорных и этнокультурных традиций бурят России, Монголии и Китая».

Целью данной статьи является предварительная характеристика, оценка сохранности и трансформации фольклора и культуры бурят в иноэтнической среде и русской традиции у бурят, переселившихся из России в новую языковую и культурную среду, на основе нового полевого материала. Для ее решения поставлены задачи анализа собранных записей в указанном аспекте, выявления связей и параллелей с фольклором, верованиями и обрядами китайских и российских бурят, установления степени трансформации форм традиционной обрядности в современных условиях. С указанными целью и задачами статьи связана и ее актуальность, заключающаяся в сравнительном изучении фольклорных и этнографических традиций бурят в иной культурной и языковой среде по основным источниковедческим параметрам (этнография, культурология, фольклор, мифология, шаманские и буддийские ритуалы, материальная культура). Научную новизну представленного в статье материала составляют раскрытые устойчивые компоненты фольклорной, этнографической традиции во времени и пространстве, введенный в научный оборот фактический материал по духовной и материальной культуре монгольского и бурятского народов.

Продолжением экспедиционных исследований (2010, 2011, 2012 и 2014 гг.) по выявлению локальных фольклорных и этнокультурных традиций шэнэхэнских бурят автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики (АРВМ КНР) является предпринятая экспедиция по гранту РФФИ-МОКНМ_а «Сохранность и трансформация фольклорных и этнокультурных традиций бурят России, Монголии и Китая» с 17 по 26 июля 2018 г.

Если предыдущие наши проекты по фольклору бурятского зарубежья имели локальный характер как в жанровом, так и территориальном аспектах, то данный проект является обобщающим фольклорные и этнографические традиции бурят России, Монголии и Китая. По итогам предыдущих экспедиций было выявлено, что в фольклорном фонде этнической группы бурят АРВМ КНР до сих пор широко представлены все традиционные жанры бурятского фольклора: героический эпос, сказки, несказочная проза (легенды, предания, устные рассказы), песни, малые жанры (загадки, пословицы, благопожелания). Собранный фольклористами отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН уникальный полевой материал по фольклору китайских бурят опубликован в книге Б.-Х. Б. Цыбиковой [9]. В этой экспедиции планировали презентовать книгу шэнэхэнским бурятам как результат совместного большого общения, дополнить, уточнить и расширить имеющийся материал по теме исследования.

Систематизационный аспект комплексного исследования, основанный на типологической характеристике, в силу устойчивости традиционного порядка связей решает задачи определения этнокультурной, историко-культурной, территориально-диалектной принадлежности наблюдаемых явлений. Таким образом, данный проект является дополняющим и обобщающим результаты предыдущих научных и экспедиционных изысканий.

Местность Шэнэхэн, где проживают буряты, находится в Хулун-Буйрском аймаке Эвенкийского хошуна АРВМ КНР, вблизи городов Хайлар и Нантунь. Мы приехали в Хайлар и сразу связались со своими

шэнэхэнскими знакомыми, занимающимися традиционной культурой бурят. Все годы неocenимую помощь нам оказывает поэт, общественный деятель Н. Цымжит. Информант с улицы или представленный ею знаток родной культуры и фольклора – это огромная разница, при беседе со знающими собеседниками продуктивность труда повышается в несколько раз. В связи с тем, что уже собран богатый песенный репертуар, в этот раз мы в основном записывали устные рассказы.

Для нас большой находкой стал Сэбэээй Нордобой Эрдэни, пенсионер 68 лет. Его обширнейший репертуар, представленный в основном сказками, легендами, преданиями, устными рассказами, отдельными мифологическими сюжетами, накопленный в течение долгого периода времени, предназначен, прежде всего, для подрастающего поколения. Как он выразился: «По прошествии времени забывается устное творчество народа. Мы, поколение 60-ых годов, когда не было телевизора, других развлечений, редко у кого было радио, с удовольствием слушали по вечерам различные истории, рассказы от наших пожилых людей, стариков. И я, то ли в силу хорошей памяти, то ли очень они мне нравились, хорошо запоминал, многое записывал. И моя самая главная цель – передать молодежи эти истории, легенды, традиционные знания бурят». Необходимо отметить, что поколение российских бурят этого возраста фольклор читало только по книгам, устная передача в массовом порядке уже отсутствовала, кроме редких исключений. Для малого народа, выехавшего с исторической родины, бережное отношение к древним корням, передача следующим поколениям традиционных знаний и в эти годы оставалась главенствующей задачей для сохранения своей ментальной идентичности.

Легенды и предания, которых множество в багаже нашего пенсионера, им используются для воспитательной цели. Эрдэни уверен: чтобы правильно сформировать у ребенка стереотипы поведения, чтобы привить ему традиционно принятые в бурятском обществе нормы и правила, необходимо подкрепить каким-нибудь ярким примером, в качестве такового он использует произведения устного творчества. Бесценными являются зафиксированные от него древние знания о почитании огня, воды бурятами, бережном, рачительно-хозяйском отношении к растительному миру, проявлении милосердия к немощным и убогим и т.д. Уникальны в своем роде записанные от шэнэхэнского знатока исконных традиций мифологические рассказы о том, как появились первые люди; отчего созвездие Большой Медведицы называется Семь Старцев; почему именно то или иное животное попало в 12-летний цикл восточного календаря; о том, почему стали гадать по бараньей лопатке и многое другое, частично или полностью утерянные у российских бурят. Не менее ценны устные рассказы о лекарях Шэнэхэна – эмчи-ламах, знавших состав и рецептуру лекарственных трав, народные методы лечения людей, животных. От Эрдэни записаны волшебные сказки, сюжеты и мотивы которых имеют параллели с общебурятской сказочной традицией.

Создав объединение по записи историй и устного творчества «Түүхэ домогой холбоон» из пожилых жителей местности Уедхэн, Эрдэни записал их и свои воспоминания, и этому делу посвятил свои последние годы. О своем решении он красочно сказал: «Дом со стенами отдаляется, / Дом в горах приближается» («Ханатай гэрнай холодожо / Хадатай гэрнай ойртожо байна»), поэтому необходимо «оставить свой след на земле» («үрэ мурөө хойто үедөө үлээхэ»). Даже подобные вскользь сказанные изречения, забытые у российских бурят, радуют душу новизной.

Не менее колоритной фигурой представляется родственник известного бурятского общественного деятеля Тугулдэра Тобоева, занимавшего с 1858 по 1878 г. должность руководителя Агинской степной думы, по линии отца, Жамсаранай Боро хубуна, 1944 г.р., года овцы. Его устные рассказы о своем отце (Сэдэбэй Жамсаран), являвшемся действующим шаманом, о народных методах лечения людей от инсульта, в наше время утерянных, вне сомнения, могут быть значимыми для характеристики шаманских традиций, обрядовых представлений бурят. «К человеку, [половину] тела которого скособочило, приводили козу. Ко рту козы пристраивали сооружение – “дверь” из трех [веток] осины. Затем проталкивали эти три ветки в рот лежащему человеку, чтобы коза могла дышать ему в рот. После чего, отвернув [от человека] козу, отпускали. И коза становилась помешанной, [словно] в дурмане. Так коза забирает болезнь человека. Затем ее отпускают навсегда на свободу, ту козу нельзя убивать. И человек вылечивался». По все этнической Бурятии записанные современные шаманские истории представляют собой рассказы общего характера, конкретные примеры лечения почти не сохранились. Поэтому рассказы подобного характера являются новым материалом о традиционной обрядовой практике.

«Мой отец был шаманом, лечил людей. Однажды утром наша мама не могла встать, голова стала большой, словно наполненный водой желудок. Отец постучал по бубну, перебрал четки: “Дети, поищите осину”, – сказал. Нашли только одну осину, сложно было найти ее, [отец] раскусил ее, сделал широкой, как доска, посередине сделал отверстие, туда воткнул перекасти-поле. Потом завернул перекасти-поле овечьей шерстью, сделал из трех щепоток муки лампадку. Лампадку сажай перекастил в черный цвет и начал камлать, ударяя в бубен. “Злые духи наслали вред”, – сказал и сжег перекасти-поле. Затем все приготовления выкинули далеко от дома. На следующее утро [мать] была нормальной». Следует заметить, что у шэнэхэнских бурят намного полнее сохранились традиционные методы лечения и скорой помощи на дому в силу сложившихся условий жизни.

Старшее поколение бурят Внутренней Монголии, глубоко осознавая необходимость и актуальность передачи вековых традиций, знаний и культуры своего народа детям, потомкам, прилагает немало усилий в этом направлении: «Этническая жизнь, как и другие уровни социального бытия, более всего закрепляется в традиции. Именно в ней сосредоточиваются многие стороны культурно-бытовой жизни этноса, и в случае с бурятами Внутренней Монголии КНР те социальные изменения, которые неизбежно происходили с ними в процессе этнокультурного взаимодействия, менее всего коснулись народных традиций, семейной обрядности...» [3, с. 54]. За четыре года перерыва в общении мы ощутили большую разницу, китайские буряты вплотную занялись

сбором исторических, фольклорных и этнографических материалов, вышли книги на старомонгольской письменности [1] и впервые на кириллице [7; 8]. Для нас особый интерес представляет книга Цырендашиин Дугурмы [10], в которую, хотя она и имеет название «Бурятские народные сказки», включены 17 сказок, 14 устных рассказов, 13 юмористических рассказов, описание 10 бурятских национальных игр, 104 песни, поговорки, загадки, афоризмы. Книга написана на старомонгольской письменности, поэтому для сравнительного анализа с записанными нами материалами и аналогичными вариантами сказок и рассказов у российских и монгольских бурят необходимо перевести весь материал на кириллицу. Так что, помимо устного материала, у нас на этот раз впервые имеются и изданные книги, но предстоит отдельная большая работа по переводу.

Шэнэхэнские буряты, оказавшиеся изолированными от материнского этноса, сознательно выбрали замкнутый круг традиционного уклада жизни [4, с. 187]. Основным фактором их единения / сплочения являлась религия, центром их консолидации послужил Шэнэхэнский дацан. Как утверждает краевед С.-Е. Сэмжэд: «Расцвет культуры Шэнэхэна берет начало от Шэнэхэнского дацана» [7, н. 8]. Она связывает благополучие и благоденствие китайских бурят с деятельностью священнослужителей, игравших на первых и дальнейших этапах обустройства на новой территории первостепенную роль. Ламы не только настаивали своих подопечных, но неопецима их функция в отправлении нужд жизненного цикла мирян при рождении, смерти, бытовой повседневности.

Яркий образец бурятского зодчества второй половины XIX в. – Цокчен-дуган Цугольского дацана Забайкальского края РФ – нашел свое новое воплощение в Шэнэхэне усилиями группы бурят, обосновавшихся на северо-востоке Китая. При возведении храма на новом месте обитания вполне логичным представляется решение выходцев из Приононья, Борзи, Агинских степей Забайкальского края обратиться к традиционному объекту вероисповедания и поклонения. Построенный в 1928 г. на правом берегу реки Шэнэхэн в Эвэнкийском хошуне Хулун-Буйрского аймака АРВМ КНР буддийский храм, получивший название «Даша Дондоблин», являлся по архитектурному облику подобием Цугольского дацана, своеобразие которого заключалось «в синтезе русских, тибетских, монгольских и китайских традиций» [5, с. 29]. Во времена культурной революции в 1966 г. его разрушили, в 1984 он был отстроен и восстановлен в прежнем виде. По свидетельству местного историка из Шэнэхэна С. Жамса: «Прибывшие из России ламы являлись в большинстве своем монахами Цугольского, Агинского, Гунэйского дацанов (Забайкалья. – Б.-Х. Ц.). Кроме того, было несколько лам из Эгитинского, Чисанского, Зугалайского дацанов (Бурятия. – Б.-Х. Ц.). Необходимо подчеркнуть вместе с тем, основной состав монахов составляли служители Цугольского дацана, а настоятелем был назначен Наянтайн Жалсан, занимавший в свое время высокую должность в том же Цугольском дацане» [8, н. 105]. Все это обусловило, по мнению исследователя истории шэнэхэнцев, преемственность традиции, которая проявилась не только при строительстве храма, соблюдении основных архитектурных форм, но и в организации монастырской деятельности, прежде всего, проведении ежедневных и крупных хуралов / молебнов, отправлении религиозных нужд, как было принято в Цугольском дацане.

К этой экспедиции мы отдельно впервые подготовили серию вопросов по русско-бурятским связям и сохранившимся традициям, приобретенным во время столетней совместной жизни в России. У шэнэхэнских бурят узнали имеющиеся у них сведения о проживании русских в данной местности. Как информанты признаются, у бурят с русскими были особо теплые отношения, всегда дружили и считали, что они выходцы из одной колыбели – России. Некоторые русские пришли на эти земли вместе с бурятами с Иркутской, Читинской областей и из Бурятии. Отдельно пришли буряты и русские, служившие у атамана Семенова: «В составе беженцев были люди самых разных сословий и состояния. Был значительный слой состоятельных людей, бывшие казаки...» [2, с. 10].

В 20-50-е гг. XX в. на заимке Уедхэн (буряты до сих пор так и называют заимкой свои летние стойбища) проживало 10 русских семей, в Улан-Харгане – 3 семьи, в Хан-Уле – несколько семей. Всего было около 20 семей. Некоторые потомки этих семей, позабыв свои русские корни, и сейчас живут в Хайларе, Нантуни. Русские имели заимки, нанимали бурят на работу. Когда обедневшие буряты вернулись нищими из очередного исхода в центральную часть Внутренней Монголии (*Шилин гол*) в 1950-е гг., русские очень помогли, одели, обули, дали работу. Те, кто работали на русских заимках, выучили русский язык, помнят, как отмечали Пасху, красили яйца. У русских была своя школа, некоторые буряты учились в этой школе. Все информанты утверждают, что русские уехали с их местности в 1958 г., а куда уехали, точно не знают.

По воспоминаниям бурят, рядом с ними жили богатые евреи (*Жиидууд байгаа*), держали скот, буряты нанимались к ним на работу. Помнят их имена: Моня, Исай, Макар. Но никто не помнит, откуда точно прибыли русские и евреи, с какой местности, в какое время. Все вспоминают богача И. Я. Чурина, русского торговца, который имел трехэтажный торговый дом в Харбине. Буряты работали у Чурина, ездили с ним в Харбин. У него была огромная кампания по продаже тракторов, машин. В народе до сих пор алюминиевую посуду называют «*Шуурин аяга*», также пользуются алюминиевыми бидонами, называя их «*Шуурин битон*».

Некоторые говорят, что в 1958 г. многие русские с этой местности уехали в Австралию, другие говорят, что выехали в Россию. Оставшиеся несколько семей ассимилировались, забыли язык и слились с бурятами и дагурами. Огромной удачей оказалась встреча с русской Тамарой Адександровной Рогалева. Одна единственная русская семья в третьем поколении проживает в этой местности. В живых остались чисто русские только старшего поколения, знающие родной язык, у них дети и внуки уже не говорят по-русски. Русская речь ее хотя и чистая, но с непонятным акцентом. По рассказу Тамары, ее мать, отец родились в Шэнэхэне и женились тут. Их родители выехали из России с берегов Байкала где-то в 20-е гг. XX в. Ее отец – Александр Рогалев, 1930 г.р., а мать – Анна Георгиевна Раменская, 1935 г.р., она была из богатой семьи. По рассказу

Тамары, когда все русские в 1958 г. уезжали обратно в Россию, они не смогли выехать, бабушка была больна. Их было 2 сестры и 3 брата. Сестра Мария вышла замуж за дагура, детей нет, старший брат умер, был женат на дагурке, у них дочь замужем за дагуром. Младший брат не женился, живет с ней. Тамара тоже была замужем за дагуром, родила 5 детей, разошлась с мужем и сама воспитала детей. Дети по-русски не говорят, традиции русские не сохранились. Родители были верующие, иконы были в доме, все христианские праздники соблюдались, детей всех крестили. Когда было много русских, около Маньчжурии была русская церковь, они ездили туда молиться по праздникам, и там их крестили. Единственное, что она помнит и что до сих пор соблюдает из своих исконных русских традиций, так только Пасху: яйца красит и куличи печет.

Шэнэхэнские буряты преклонного возраста, прожившие всю свою жизнь на небольшом этнически обособленном пространстве, удивляют своими знаниями, радушной открытостью характера, старинной речью, где сохранились русские слова, употребляемые в 20-е гг. XX в. Справедливо утверждает М. С. Михалев: «Любопытно, что иногда в шутку, а иногда и всерьез они даже настаивают на том, что именно наличие в их языке множества русских заимствований, значение которых не ясно ни китайцам, ни монголам, также способствовало тому, что им удалось сохранить свою самобытность перед лицом и тех, и других» [6, с. 117]. Когда общаешься с ними, создается впечатление, что время повернулось вспять, что ты вернулся в 50-60-е гг. XX в. Вновь собранный вербальный текст доказывает, что фольклорные и этнографические материалы у бурят Китая еще не полностью нами изучены. В итоге нашей плодотворной экспедиционной работы дана семантико-функциональная характеристика собранным вербальным материалам, предприняты попытки определить наиболее устойчивые компоненты фольклорной традиции в разных социальных условиях. Для сравнительного анализа систематизируются этнографические и фольклорные материалы, дополняющие друг друга и раскрывающие наиболее полно современную бурятскую духовно-культурную ситуацию в разных регионах.

Таким образом, собранные в экспедиции вербальные тексты разных жанров, как по фольклору, так и по обрядовой традиции, верованиям и мифологии бурят Китая, позволяют составить целостное восприятие народной традиции как единого культурного организма. Выявлена сохранность и преемственность духовных приоритетов, востребованных самой этнокультурной традицией и отвечающих на вызовы времени.

Список источников

1. **Айлгауйн Нумаа.** Буряад арадай дуунуудай суглуулбари (Сборник бурятских народных песен). Хайлар: Хайларское кн. изд-во, 2017. 180 н.
2. **Базаров Б. В.** Генерал-лейтенант Маньчжоу-Го Уржин Гармаев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 37 с.
3. **Балдано М. Н.** Шэнэхэнские буряты: по ту и эту сторону границы // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 52-59.
4. **Боронова Д. Ц.** Концепт «Родина» в идеологии и практике бурятских диаспор // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6. С. 186-190.
5. **Жамсуева Д. С.** Агинские дацаны как памятники истории культуры. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 170 с.
6. **Михалев М. С.** Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнэхэнских бурят в контексте российско-китайской границы // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 108-120.
7. **Санжаа-Ешын Сэмжэд.** Шэнэхэн соёлой ундарал (Истоки культуры шэнэхэнцев). Улан-Удэ: НоваПринт, 2013. 192 н.
8. **Согтын Жамса.** Буряад-монголшуудай Шэнэхэн нутагай түүхэ (История бурят-монголов из Шэнэхэна). Улаан-Удэ: Бальжинимаев А. Б., 2017. 144 н.
9. **Цыбикова Б.-Х. Б.** Фольклор шэнэхэнских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 312 с.
10. **Цырендэшин Дугурмаа.** Буряад ардын аман үлгэр (Бурятские народные сказки). Хайлар: Хайларское кн. изд-во, 2018. 258 н.

ORAL TRADITIONS AND SPIRITUAL CULTURE OF THE CHINESE BURYATS (BY THE MATERIALS OF FIELD RESEARCH)

Dampilova Lyudmila Sanzhiboevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Tsybikova Badma-Khanda Badmadorzhievna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Sundueva Ekaterina Vladimirovna, Doctor in Philology, Associate Professor

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude
dampilova_luda@rambler.ru; bch58@eandex.ru; sundueva@mail.ru*

Within the framework of the project "Preservation and Transformation of the Folklore and Ethnocultural Traditions of the Buryats of Russia, Mongolia and China" under the grant from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Ministry of Education, Culture, and Science (Mongolia), the authors have carried out the field research in the Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China to study the Buryat folklore, myth, language, spiritual and material culture in the other ethnic environment. The collected folklore and ethnographic materials prove a consistent trend in the careful preservation and popularization of the rich heritage of oral creativity by the Buryats of China. In the article, the semantic-functional description of verbal texts is given and attempts to ascertain the most stable components of the folklore tradition in different social conditions are made. Ethnographic and folklore data, complementing each other and revealing the modern Buryat spiritual and cultural situation in the region under consideration, are systematized for the comparative analysis.

Key words and phrases: the Chinese Buryats; folklore; ethnography; traditions; spiritual and material culture; Russian-Buryat relations.